

УДК 340.1(075.8)

*А.Б. Лепешко*

## **ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ В ФЕНОМЕНОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье анализируются категории «интегративность» и «коммуникативность», выявлены их существенные черты, охарактеризована роль этих категорий в феноменолого-коммуникативной концепции. Рассматриваются некоторые аспекты феноменолого-коммуникативного подхода в юриспруденции, формулируются выводы о месте, которое занимает данная теория в системе методологии права, теоретическом знании в целом.

В настоящее время наблюдаются проблемы переосмысления методологии общей теории права как фундаментальной науки и, соответственно, отраслевых юридических наук. Актуальность этих вопросов подтверждается рядом авторов. Так, В.С. Нерсисянц отмечает, что методология юриспруденции «сводится к дежурным суждениям о предмете и методе теории права и государства. При этом остаются без рассмотрения проблемы предмета и метода всей юриспруденции как единой системы разных юридических дисциплин» [1, с. 1]. Кроме того, К.К. Жоль призывает обратить особое внимание на методологию права, поскольку «сегодня, по мнению большинства юристов, догматическая юриспруденция уже не может быть лишь юриспруденцией понятий, не может довольствоваться одним лишь формально-логическим толкованием положительного права, но должна быть в той или иной мере социальной юриспруденцией, то есть должна принимать во внимание те общественные отношения, которые порождают правовые нормы, и те общественные цели, достижению которых она служит» [2, с. XIX]. О важности обращения к проблемам теоретического, методологического характера говорят и белорусские учёные-юристы.

В юридическом знании фундаментальным проблемам часто не уделяется должное внимание, мышление преобладающего большинства правоведов носит прикладной, эмпирический характер. Однако в настоящее время наблюдается потребность в притоке новых идей методологического характера, в рамках применения которых можно не столько осуществить «прирастание» эмпирического знания, сколько добиться нового качества знания, сформировав комплексную систему методов. Так, существующие и ставшие достаточно традиционными методологические постулаты Г. Кельзена, неопозитивистские установки Г. Харта, онтологическая концепция Р. Марчича и некоторые иные идеи постепенно дополняются новыми направлениями познания явлений социально-правовой действительности. Причем большинство таких направлений заимствуются из других, неюридических дисциплин. Однако в этом наблюдается отсутствие единых системных подходов в сфере методологии права, и потому ожидаются новые мысли и идеи, связанные с методологическими поисками в сфере, прежде всего, антропологического подхода. Как отмечает французский юрист, основатель Французской ассоциации юридической антропологии Норбер Рулан, «выйдя из недр социальной антропологии, юридическая антропология имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах, но отдаёт предпочтение юридическому аспекту, заявляя при этом о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу» [3, с. 9].

Однако необходимо учитывать, что применение новых методов или переосмысление уже существующих позволит добиться пересмотра уже сложившихся методологических стандартов, по-новому оценить имеющиеся концептуальные идеи, осмыслить накопленный эмпирический материал. Ведь внесение в практику науки качественно новых подходов (методов) позволяет не просто изменить угол зрения на предмет познания; в этом случае может трансформироваться непосредственно сам этот предмет и станет возможным самое неожиданное «прочтение» ранее сложившихся представлений. Необходимость переосмысления проблемы методологии связаны с расширяющимися границами предмета общей теории права, выходящего за рамки государственно-правовой действительности: например, исследование проблем правообразования, а не только правотворчества; правового воздействия, а не правового регулирования; правового сознания, а не законосознания.

Так, А.В. Поляков сделал попытку научного переосмысления методологии общей теории права, дополнив ее коммуникативным подходом и расширив предмет познания данной науки. Первая категория, к которой следует обратиться в ходе анализа — это «многоединство».

### **Многоединство и интегральность**

Категория «многоединство» по своему содержанию коррелирует с термином «всеединство», предложенным В. Соловьевым. Так, А. Поляков в контексте проблемы указывает, что «целостное представление о праве связано с задачей объяснить право как многоединство, но существующие на сегодняшний день в правоведении теории нацелены, прежде всего, на уяснения права всего лишь как единства, что приводит к известной одномерности» [4, с. 253]. Фразы «право есть норма», «право есть справедливость» и т.д. не охватывают всего многообразия правовой структуры, и, чтобы преодолеть это заблуждение, надо обратиться к самому праву, его сущности. Следует, однако, учитывать смысловую разницу между категориями «единство» и «многоединство», а также обратить внимание на категорию «целостность».

И второе важное замечание. Анализируя, в частности, категорию «право», учёный утверждает, что «право как тотальная intersубъективная социокультурная реальность рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологическом аспектах и, соответственно, онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и реализации. В центре таким образом понимаемой правовой реальности находится человек как творец правовых коммуникаций...» [4, с. 11]. Перед нами — сложная смысловая конструкция, в которой, в принципе, даны все основные характеристики коммуникативного подхода. Но мы пока остановимся лишь на одном аспекте, а именно том, где автор говорит о «многоединстве», «интегративности» и некоторых сопутствующих дефинициях.

«Многоединство», «интегративность» как базисные категории в концепции А. Полякова не случайны, поскольку стремление примирить взаимоисключающие положения, подходы присуще автору коммуникативного подхода в полной мере. В частности, говоря о социальном и правовом регулировании, А. Поляков замечает, что имеют место два взаимоисключающих ответа на вопрос, что регулируется нормами права. Первый состоит в том, что предметом правового регулирования являются правовые отношения. Другие же специалисты полагают, что им может быть только поведение правового субъекта. Констатируя, что подобное противоположение неоправданно, учёный полагает, что «не будет ошибкой утверждать, что предметом правового регулирования являются общественные отношения, только регулируются они через поведение субъектов

социального взаимодействия (коммуникации)» [4, с. 612]. Т.е. имеющееся противоречие между подходами «снимается» не за счёт приоритета одного из них, выстраивания соответствующей иерархии, а путём их «примирения», «интеграции». Говоря о перспективах именно интегративного типа правопонимания в современную эпоху, учёный подчёркивает, что такого рода подход призван «не эклектически объединить, а синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве – у этатистского подхода; субъектно-деятельный аспект права у социологической школы; восприятие права как ценности у юснатурализма; психическую составляющую права – у сторонников психологической школы и т.д.» [4, с. 173–174]. Перед нами те же методологические приоритеты, основанные на «примирении» разнородных начал. Причём в данном случае принципиально важно то, что новый интегративный подход исходит не просто из механического синтеза конкурирующих теорий, а из идеи многоединства самого права. Заметим лишь, что сам механизм интеграции столь высокого уровня «прописан» всё же недостаточно последовательно, и могут возникнуть вполне закономерные затруднения в процессе осуществления методологических подходов такого характера и уровня.

Таким образом, «многоединство», «интегративность» выступают базовыми категориями методологического подхода, предложенного А. Поляковым, и об этом свидетельствует достаточно последовательно осуществляемая «практическая» деятельность учёного, связанная с рассмотрением конкретных правовых проблем. Заметим лишь, что в ряде случаев мы имеем дело лишь с констатацией проблемы, но не с её развёрнутой аргументацией. Типичный пример – критика марксистского правопонимания. А.В. Поляков, изложив суть учения К. Маркса, ограничивается указанием на то, что перед нами «великая утопия».

Обратимся к анализу одного из подразделов фундаментального труда учёного, его «Общей теории права». Обращает на себя внимание название анализируемого текста: «Понятие источника права: многообразие смыслов», потому что «многообразие смыслов» – одна из фундаментальных категорий постмодернизма и выбор такого рода смысловых координат означает и выбор методологических приоритетов. Собственно, и проведённый автором труда анализ подтверждает этот тезис. Рассматривая различные методологические подходы к анализу категории «источник права», А. Поляков говорит о существовании методологических разночтений. Скажем, есть подход «этатистский», в рамках которого право не существует вне государства, или подход, обозначаемый как «традиции модерна». Здесь право имеет своим источником «объективные» причины как материального, так и идеологического характера. А вот коммуникативная теория подхода «снимает» противоречия, существующие в рамках различных теорий.

Здесь, однако, есть некое противоречие между заявленным автором методологическим плюрализмом (апробируется множество смыслов) и реальным комментарием по поводу характера коммуникативной теории в этом аспекте. Причём, как уже отмечалось, А. Поляков, как правило, не критикует «односторонности» иных теорий, не показывает, где и в чём их слабость. Он «по умолчанию» согласен с тем, что в них присутствует некое «рациональное зерно», но выдвигает коммуникативную теорию как тот методологический подход, который стоит «над» односторонними подходами иного характера, скажем, вследствие того, что в нём примирены имеющие место противоречия.

Так, в коммуникативной теории, по мнению Полякова, под правом понимается определённый «порядок отношений», который по своему существу «объективен». С другой стороны, правом являются не столько нормы, сколько «та коммуникативная целостность, интенциональным и смысловым ядром которой выступают субъективные права» [4, с. 626]. Кроме того, существует форма реализации жизненных потребностей

членов общества, и эта форма называется «объективированными правовыми текстами». Т.е. всё то же «примирение», «синкретичность», «новый синтез» или «новое единство». И здесь имеет смысл обратиться к такому правовому феномену, каким является в коммуникативной теории «правовой текст». Дело в том, что новации здесь особенно заметны и связаны с различием как текстуального, так и внетекстуального источника права. Надо сразу признать: А. Поляков последователен в реализации своей методологической программы. Ведь если ключевым, базисным понятием теории является понятие «правовые отношения», а не норма, не государство либо что-то иное, уже апробированное учёными, то из этого органически вытекает и необходимость формирования категории «внетекстуальный текст». Тем более что соответствующие отсылки к классикам постмодернизма помогают обосновать этот подход теоретически.

«Внетекстуальные источники права» – это деятельность членов общества, причём та деятельность, в ходе которой и порождается феномен права. «Типичное и значимое в этой деятельности, основанное на ценностных аспектах как материальной, так и духовной культуры, через обыкновения, волевое императивное установление или договор объективируется в форме первичного правового акта» [4, с. 627]. Здесь стоит обратить внимание на диалектику объективного и субъективного в процессе «порождения права». Опять-таки, иерархия предпочтений строится не на выделении некоего одного, базисного принципа (материальный фактор, например, или классовый интерес), а на сочетании такого рода принципов. Есть «субъективное»: ценность, культура, но есть и «объективное»: «отношения», «объективация». И есть смысловое, более того, методологическое единство, осуществляемое именно в процессе коммуникации.

Понятие «правового текста» здесь является более привычным и трактуемым в классических категориях, несмотря на указание на его «сложную структуру» и вообще наличие «знаковой формы». Это именно так, поскольку правовой текст получит правовое значение только тогда, когда будет соответствующим образом «интерпретирован» в процессе «правовых отношений». В противном случае данный правовой акт не будет востребован.

Объявляя правовыми обычаи, мифы, законы, инструкции, договоры и т.п., А. Поляков совершенно справедливо обращает внимание на факт «социализации права», на укоренённость права в различных социальных институтах, действиях, содержании социальных действий. Действительно, процесс легитимации устоявшихся привычек, традиций имеет место в различных правовых системах, и весь вопрос лишь в том, как данный процесс интерпретировать. Однако может вызвать вопросы столь широкое толкование права вообще, источников права в частности. Характер социальных связей в обществе столь многообразен, эти отношения столь непредсказуемы и часто неконтролируемы, что искать и находить в них «источник права» затруднительно даже с этой «внешней» стороны. Да и со стороны «внутренней», содержательной затруднения столь же очевидны. Вот А. Поляков говорит о том, что правовые тексты «полилогичны», и с точки зрения методологии постмодернизма иного он сказать просто не может. Но «полилогичность» затрудняет рациональное осмысление предмета изучения (с точки зрения классической, аристотелевской логики), и здесь выход во всё том же смысловом многообразии, который, конечно, снимает авторские затруднения, но вряд ли полностью удовлетворяет как самого исследователя, так и читателя.

И речь, конечно, не только о «полилогичности». Столь же пристальное внимание может вызвать трактовка, например, мифа как источника права. Достаточно смело утверждается, что «мифы являются источником права и в современном обществе». Логика рассуждений заключается в том, что люди и сегодня мифологизируют окружающий мир; мифологизация осуществляется в форме идей, концептов; идея, концепт «двигают» массами и, в итоге, «обрастают» признаками правовой нормы, становятся

правовыми нормами. Здесь (в качестве контраргументации) можно апеллировать, например, к следующей проблеме: как определить сегодня миф: в традиционном, классическом ключе (фантастическое представление о мире, свойственное ранним, архаичным этапам развития человечества), либо речь идёт об иных характеристиках, связанных с постмодернистским «углублением» темы. А. Поляков традиционно прибегает к очень широкой трактовке: миф есть и наука, и идеология, и религия, и, наконец, это просто чудо. Это даёт возможность назвать миф источником права не только рациональным, но и иррациональным. Здесь правомерным будет следующий вывод: принимая общую логику рассуждений учёного, его базовые методологические константы, мы признаём и возможность такого рода «частностей» (миф как источник права). Критический анализ такого подхода возможен только на основе критики базовых положений (коммуникация, предельно широкое толкование прав, синкретизм и т.д.).

И, в заключение этой части, несколько слов о параллели между «многоединством» А. Полякова и «всеединством» В. Соловьёва. Здесь затруднителен широкий контекст (он отвлечёт нас от главной темы), но главное заключается в том, что синкретизм, «примирение противоречий», интегративность объединяет подходы обоих учёных. Отмечая подобную позицию В. Соловьёва, Н.Н. Страхов писал в одном из писем Льву Толстому: «Соображая теперь всего его лекции (речь идёт о «Чтениях о Богочеловечестве». – А.Л.), я вижу, что он хотел произвести синтез востока и запада, слить в одну систему атомизм, дарвинизм, пантеизм, христианство и т.д. Соловьёв хочет и всё примирить, и всех объединить» [6, с. 160–161]. Вообще говоря, стоит заметить, что подобного рода «интегративность» – характерная черта многих русских правовых, философских школ и направлений. Достаточно назвать глубокие идеи о соборности А. Хомякова, мысли Л. Карсавина, С. Франка, Е. Трубецкого и иных замечательных мыслителей.

Объединяет подходы мыслителей то, что перед нами системы знания, а не те или иные их фрагменты; системы представлены как «симфонии», как «аккорд», но не отдельно звучащий мотив; «примирение противоречий» выглядит не просто как «снятие» смыслового дискомфорта, скорее это «новая интеграция», получение принципиально нового смыслового продукта в рамках накопленного знания; однако если «корнем» системы В. Соловьёва была религия, вера, религиозная этика, то для А. Полякова таким основанием стало понятие «коммуникативность». Обратимся к его анализу.

### **Коммуникативность**

Обращает на себя внимание уже эпиграф к работе А.В. Полякова «Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход»: «Общаюсь, следовательно, существую (из ненаписанного Декартом)». Получается, перед нами вызов рационалистической традиции, поскольку замена ключевого слова в классическом выражении французского мыслителя-рационалиста («мыслю» на «общаюсь») может означать только это. Речь всё же не идёт о классическом постмодернистском знании, замене постмодернистским знанием рационалистических концептов и соответствующей традиции. Скорее, защитник коммуникативной теории желает, пробует, пытается соединить (в рамках столь важного для него интегративного подхода) основополагающие положения как рационализма, так и постмодернистских методологических предпочтений. В пользу такого утверждения говорит и то, что А. Поляков «предполагает», что «не написал» такую максиму всё же Рене Декарт, а не кто-то иной. Однако вначале – о сути коммуникации.

А.В. Поляков определяет коммуникацию, её структуру в целом традиционно, и здесь рационалистический аспект проявляется в полной мере. Коммуникация – это явление социальное; она возникает между субъектами, и можно говорить о четырёх её видах: 1) в широком смысле – как об одной из основ человеческой жизнедеятельности; 2) как об информационном обмене в технологически организованных системах;

3) о мыслекоммуникации как интеллектуальном процессе, имеющем выдержанный идеально-содержательный план и связанном с определёнными ситуациями социального действия; 4) как об экзистенциальной коммуникации как обнаружении «Я» в «Другом» [4, с. 47–48]. Пункт, связанный с понятием «мыслекоммуникация», является определяющим в данной системе знания, и структура мыслекоммуникации имеет следующий вид: 1) в ней присутствует не менее двух участников-коммуникантов; 2) всегда налицо ситуация, которую коммуниканты пытаются осмыслить; 3) имеют место тексты, выражающие смысл ситуации в языке; 4) должны присутствовать мотивы и цели, делающие текст направленными; 5) важен процесс материальной передачи текстов; 6) как итог – восприятие текста. Если мы в этом контексте обратимся, например, к статье «Коммуникация», помещённой в энциклопедии «Постмодернизм», то заметим, что как сущность феномена «коммуникация», так и её структура здесь во многом совпадают [7, с. 371–372]. Различия наступают и заметны тогда, когда автор коммуникативного подхода обосновывает специфический правовой контекст коммуникации.

Принципиальным здесь выглядит следующий тезис: «Коммуникация является не только условием и формой существования вообще и права в частности, но и онтологическим основанием жизни социума» [4, с. 51]. Параметры коммуникации в этом положении «заданы» весьма широкие. Главным здесь является следующее. Во-первых, онтологический аспект: право связано с жизнью (главным образом) не государства, не классов, а общества. Право вообще возникает не тогда, когда появляется государство, а на более ранней ступени развития общества и напрямую «завязано» на появлении субъекта, сознательного, социального субъекта. Бытие общества есть предпосылка появления права. Кстати, в этом аспекте А. Поляков достаточно часто апеллирует к психологической теории Л. Петражицкого. Обращаясь к психологии общества как предпосылке права, Л. Петражицкий никак не мог отождествить категории «право» и «государство», поскольку психологический (эмоциональный) аспект предшествует аспекту государственному. В этом А. Поляков видит аргумент в защиту выдвигаемого им положения о характере онтологических предпосылок права. Правда, в рамках его терминологии, не психологических, а коммуникативных.

Во-вторых, коммуникация является формой и условием существования вообще и носит интересубъективный характер. Право есть система, причём система, характер функционирования которой определяется коммуникацией, соответствующими текстами. Здесь можно усмотреть определённую связь идей, высказываемых А. Поляковым, с мыслями известного немецкого юриста Н. Лумана, который утверждал, что границы юридической системы очерчиваются не на институциональном, а на операционно-коммуникативном уровне. Любое общение (любая коммуникация), которое выдвигает или отодвигает правовое суждение (например, конфликт с соседом, дорожное-транспортное происшествие), представляет собой операцию юридической системы. Как только коммуникация связывается с системой, вступает в действие формула «законное/незаконное».

Далее: далеко не случайно здесь присутствует понятие «текст», так как «правовой текст может быть интерпретирован как коммуникативно-познавательная единица, без которой право существовать не может» [4, с. 214]. Право здесь – определённый порядок коммуникативных отношений, возникающий на основе интерпретации правовых текстов, причём эта интерпретация может носить как вербальный, так и невербальный характер. Что, заметим, вполне понятно, так как сама дефиниция «текст», как уже указывалось выше, понимается в концепции А. Полякова очень широко. Как замечает сам учёный, жест регулировщика, например, предписывающий направление движения, или включение поворота в автомобиле создают «вторичные правовые тексты», указывают на «текстуальную многослойность права».

В определенном смысле приведённые взгляды учёного «балансируют» между рациональной формой объяснения, толкования правовых феноменов и их интерпретацией в русле методологии феноменологического, постмодернистского знания. Скажем, высказываются сугубо рационалистические соображения о характере, содержании, формах коммуникации («коммуникация представляет собой явление социальное и возникает между субъектами»), и вместе с тем утверждается, что «нас будут интересовать только те коммуникации, субъекты которых могут оперировать смыслами» [4, с. 47]. «Смыслы» здесь – известный посыл постмодернистской методологии познания, дезавуирующей рационалистическое понимание истины и обращающей внимание на сугубую аморфность знания.

Вместе с тем могут иметь место рассуждения, которые зачастую с трудом понимаются вследствие непрояснённого понятийного аппарата. Так, например, А. Поляков пишет, что «правовая онтология, которая сама гносеологична и аксиологична и потому предполагает и соответствующую гносеологию и теоретическую онтологию, имеет в качестве коррелята практическую философию права, основанную на онтологически и духовно укоренённых ценностях и создающую в единстве с теоретической философией (правовой онтологией) целостную (интегральную) философию права» [4, с. 565]. Видимо, здесь необходимы корректирующие пояснения, или «корреляты», как предпочитает говорить автор феноменолого-коммуникативного подхода. Похожее замечание высказывал и профессор М.И. Байтин, который отмечал неясность ряда выражений в работе своего оппонента. Как результат – терминологическое, следовательно, смысловое противоречие. Так, например, критик коммуникативной теории замечает: «На словах, согласно коммуникативной концепции, право складывается из объективного и субъективного права, в действительности упоминание о первом носит сугубо номинальный характер. Как с точки зрения правогенеза, так и по существу представление о праве сводится к субъективному праву, к правомочию субъекта правоотношения» [5, с. 112].

Надо признать, что в ряде случаев обращение к понятию «коммуникативность» воспринимается как обращение искусственное, то есть без этого понятия вполне можно обойтись при рассмотрении тех или иных аспектов, например, общей теории права. Автор рассматриваемой концепции постоянно оперирует этим понятием, стремясь, очевидно, добиться большей аргументированности и большей «прозрачности» собственной позиции. Но на деле получается, что понятие «коммуникация» в ряде случаев может быть безболезненно устранено из текста. Так, например, рассматривая вопрос о «коммуникативных условиях возникновения права» (раздел «Правогенез» «Общей теории права»), А.В. Поляков полагает, что эти условия можно подразделить на социопсихические и социокультурные. Социопсихическими условиями права являются: возникновение у индивидов способностей понимать идеальный смысл правил должного поведения, выраженных в общеобязательных нормах, образуемых путём истолкования, интерпретации внешних, знаковых форм их выражения; признание их (прямо или опосредованно) в качестве необходимых оснований своих внешних поступков (совершение актов ценностной легитимации); самостоятельные действия, реализация вытекающих из них (норм) полномочий и обязанностей. К социокультурным условиям относится наличие в обществе самих текстуально объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения, определяющих права и обязанности членов социума и вступающих в качестве общезначимых ценностей своеобразных культурных кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов [4, с. 222–225]. А если данный раздел назвать «Условия возникновения права», то есть исключить слово «коммуникация», изменится ли что-либо в принципиальном плане?

Кроме того, рассматривая в разделе «Российский правовой дискурс: основные доминанты» своего труда роль православной культуры в формирование национального

права (кстати, интересная и важная постановка проблемы), А.В. Поляков говорит о возможности «новой интеграции» знания, основанного на духовных ценностях. Выражением этого синтеза явилось «стремление к такой коммуникации, которая, не ограничиваясь формальным (правовым) взаимодействием, представляла бы возможности для духовного взаимопонимания». Здесь нет смысла спорить о том, что коммуникация – предпосылка любых вообще социальных процессов. Стоит лишь поставить вопрос такого содержания: а что, когда российские юристы второй половины XIX – начала XX века говорили о возможности и важности процессов и явлений такого рода вне контекста понятия «коммуникация», это было следствием ограниченности правового знания той поры, или же мы можем утверждать, что «интеграция на условиях нового синтеза» имела место и тогда? Стоит обратиться к классическим работам упоминавшегося уже нами Владимира Соловьёва, для того чтобы убедиться: стремление к «гармонии», «синтезу» на основе «критики отвлечённых начал» и, соответственно, понимание важности «новой духовности» всегда присутствовало в его работах. Об этом справедливо пишет профессор А.С. Яценко: «Как в основных философских воззрениях Соловьёв был врагом всякого преувеличения односторонней точки зрения, всякого построения философской системы на каком-нибудь одном «отвлечённом» начале, так и в определении природы права Соловьёв удержался от сведения права лишь к одному из его элементов и сумел взглянуть на право истинно синтетически» [8, с. 41]. Конечно, здесь синтез осуществлялся на основе этики, религиозной этики, но, поскольку «коммуникативность» данного подхода подразумевается, нет смысла особо ее аргументировать. Т.е. применение термина «коммуникация» должно быть обоснованным, чётко аргументированным, но в приведённых примерах (да и иных случаях) можно поставить вопрос о целесообразности обращения к данной дефиниции.

Важный аспект коммуникации – её «выход» на лингвистическую философию, герменевтику. А. Поляков полагает, что герменевтика признала «единственно доступным» и «единственно ценным миром» мир человеческого общения, и в этом главная заслуга этой философской доктрины. Мир коммуникации первичен, а уже «внутри» этого мира возникает мир культуры, мир ценностей и всё тех же «смыслов». К слову, «общение» и «коммуникация» – это не тождественные понятия. Общение может быть подсознательным, эмоциональным, а это не коммуникация. Коммуникация наступает (рождается, появляется) лишь тогда, когда мы можем говорить о наличии смысла (смыслов), когда у нас появляется «текст». А.В. Поляков признаёт, что в этом аспекте коммуникативные начала можно найти у любого мыслителя «классического» толка. Скажем, рассуждения И. Канта о том, что человек должен рассматриваться не только как «средство», но и как «цель» коммуникации по сути, так как означают направленность на «Другого», на осуществление мыслекоммуникации. Но тогда возникает закономерный вопрос: а где сущностное различие, по каким основаниям мы можем говорить о «коммуникативной теории», а по каким – нет? Здесь выход находится в категории «понимания»: «концепция права не может быть только теоретической наукой, основанной на эйдетическом знании, но должна быть и мировоззренческой философией, выросшей из понимания» [4, с. 57]. То есть решение вопроса «находится» на путях чрезвычайного расширения предмета права, понимания права как «интегральной философии права», что оправданно с точки зрения рассматриваемой методологии, но может быть подвергнуто критическому анализу с позиций иных методологических школ.

Приведём один пример, связанный с формулированием теории институционализации в контексте рассматриваемого подхода. Если чрезвычайно лапидарно, то суть её в том, что причины возникновения социального порядка, который приходит на место привычке, традиции, надо искать в формировании соответствующих социальных институтов. Ведь любая типизация (то есть обобщение, систематизация социальных приви-

чек) уже есть институт, в том числе и правовой. И с этим спорить сложно. Но для рассматриваемого коммуникативного подхода важно, что в основе теории институционализации лежит всё тот же термин. Т.е. «институционализация начинается при коммуникативном взаимодействии уже двух субъектов» [4, с. 195]. Затем процесс углубляется, т.е. сформировавшиеся институты обладают своей собственной реальностью и воспринимаются независимо от обстоятельств, предшествовавших их появлению. Но при этом важно иметь в виду, что объективность институционального мира «создаётся» самим человеком в процессе именно коммуникативной деятельности, и в этом смысле она есть сконструированная объективность.

Кратко подытоживая сказанное, можно отметить, что сам термин «коммуникация» (наряду с некоторыми иными) имеет в рассматриваемом нами теоретическом подходе тот же характер, какой имеют, например, в теории К. Маркса категории «экономика», «экономические отношения», «базис». То есть это исходная, принципиальная, ключевая дефиниция. И, хотя разговор всё время идёт об «интегративности», предпосылкой собственно интегративности является коммуникация. Применительно к правотворчеству субъекты несут информацию, социально значимую в обществе, а субъект в свою очередь ждет от общества определенной реакции, ответа. Также можно отметить определенный синкретизм в правотворчестве: рассмотрение права не только как юридического явления, но и как социального института, следствием чего является его анализ во взаимодействии с экономикой, моралью и т.д.

В заключение заметим, что рассмотрение иных важнейших категорий коммуникативно-феноменологической концепции права («правовые отношения», «феноменология» и некоторые другие), а также выводы относительно места данной теории в системе методологического знания, о механизме применения феноменолого-коммуникативного подхода применительно к правовым феноменам предполагается развить в ходе дальнейшей работы над темой.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсисянц, В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории государства и права / В.С. Нерсисянц. – М. : Норма, 2000. – 288 с.
2. Жоль, К.К. Философия и социология права / К.К. Жоль. – М. : Юнити, 2005. – 417 с.
3. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : Норма. – 1999. – 310 с.
4. Поляков, А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход / А.В. Поляков. – СПб. : Юридический пресс Центр, 2003. – 845 с.
5. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – М. : Изд. дом «Право и государство», 2005. – 544 с.
6. Переписка Л. Толстого с Н. Страховым. – СПб. : Общественная польза, 1914.
7. Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис. Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
8. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма / А.С. Яценко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.

**Lepeshko A.B. Conceptual-Categorical System in Phenomenological-Communicative Approach to Analysis of Social and Legal Reality**

Categories «integrative» and «communicative» are analyzed in the article, their essential features are revealed, the place occupied by these categories in phenomenological-communicative concept is described. Some aspects of phenomenological-communicative approach in law are analyzed; conclusions about the place that takes this theory in the system of legal methodology and in general theoretical knowledge are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2013